

Среда 21-го июля 1904 г.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Среда, 21-го июля 1904 г.

Условія подписки:

съ доставкой въ Москву на  
съ пересылкою на городъ  
на годъ..... 8 р.—в.  
— 6 «Копеекъ»..... 4 «50»  
— 3 «..... 2 «50»  
— 2 «..... 1 «50»  
— 1 «..... 90»  
Отдельный № въ розничной  
продажѣ въ Москвѣ 3 к., съ  
включеніемъ доставки 5 к.  
въ друг. городахъ 5 коп.

Кантора открыта ежедневно  
для приема подписки и объ-  
ясненій отъ 9 час. утра до 7  
час. вечера.

# РУССКІЙ ЛІСТОКЪ

№ 200

Тѣло объявленій:  
За строку первая стр. въ  
мѣсто, занимаемое 10 д.  
въ 1-й колонкѣ, 21 п. по 4-7,  
вторая колонка газетъ — 1 руб.

Редакция для лан. объяв-  
леній открыта отъ 9—5 ч. дня

Телефонъ редактора № 101

Ежедневная газета безъ предварительной цензуры.

Редакция и кантора: Москва, Мясницкая ул., д. № 20 (наслѣдн. Ананова).

ТЕЛЕФОНЪ ТИПОГРАФІИ № 738

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦІИ № 738.

№ 5260

# А. П. ЧЕХОВЪ.

(Воспоминанія).

Мы съ братомъ сидѣли въ классной комнатѣ, и нашъ гувернеръ-французъ, monsieur Jace, вдохновенно повторялъ намъ, что цѣль грамматики заключается въ томъ, чтобы научить насъ правильно читать и писать по-французски, когда вошелъ отецъ. За нимъ слѣдовалъ молодой, бѣдно одѣтый человѣкъ.

— Вотъ ваши ученики, — проговорилъ отецъ. — Это, дѣти, вашъ учитель русскаго языка.

Мы шаркнули ногами. Молодой человѣкъ сконфуженно протянулъ намъ руку и спросилъ наши имена.

— А меня зовутъ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ.

Худой, съ ласковой улыбкой и добрыми сѣрыми глазами, онъ сразу очаровалъ насъ. Исподволь, не прибѣгая къ наказаніямъ или принужденіямъ, онъ началъ учить насъ русскому языку, и эти уроки всегда доставляли намъ большое удовольствіе.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Какъ-то, за обѣдомъ, отецъ, обращаясь къ одному изъ гостей, отвѣчалъ:

— Да, я съ вами совершенно согласенъ: у Чехова несомнѣнный талантъ. Я убѣжденъ, что онъ, со временемъ, займетъ видное положеніе въ литературѣ.

Мы узнали, что нашъ любимый учитель — писатель.

Для насъ, зеленой молодежи, готовившейся поступить въ лицей, слова «писатель», «поэтъ» и «артистъ» казались священными; а люди, носившіе эти званія, — людьми необыкновенными.

И мы, невольно, стали относиться къ Чехову совершенно иначе: прекратились самыя невинныя шалости и проказы, уроки выучивались на-зубокъ, мы смотрѣли на учителя съ благоговѣніемъ.

Чуткій Антонъ Павловичъ не могъ не замѣтить этой сдержанности и съ обычной ласковой улыбкой спросилъ:

— Что это вы, господа, стали важничать?... Ужъ не выдержали-ли вы экзамена?... Но, въ такомъ случаѣ, почему вы

не въ блестящихъ лицейскихъ мундирахъ?..

Мы объяснили ему, въ чемъ дѣло.

— Вотъ какъ, — равнодушно протянулъ Чеховъ. — Друзья мои, вашъ батюшка слишкомъ снисходителенъ. Никакого таланта у меня нѣтъ, а пишу я потому, что нужно писать, иначе вашему прекрасному учителю нечего будетъ кушать, а кушать, вѣдь, хочется каждый день. Правда? Спасибо, что есть такіе добрые редакторы, которые печатаютъ Антошу Чехонте.

Встрѣтился я съ «Антошей Чехонте» много лѣтъ спустя, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ Москвѣ въ 1897 году существовалъ тѣсный кружокъ любителей драматическаго искусства, въ которомъ и я принималъ участіе. Душою кружка являлась О. Н. Ш—ва, талантливая любительница.

Однажды я получилъ отъ нея приглашеніе ѣхать «на гастроль» въ Серпуховъ и играть въ пользу земской школы.

День нашего пріѣзда въ Серпуховъ совпалъ со днемъ открытія цирка. Когда мы, артисты-любители, поѣхали со станціи въ городъ, обыватели провожали насъ восклицаніями:

— Это артисты изъ цирка!.. Это клоуны!..

Мы остановились въ довольно невзрачномъ помѣщеніи клуба, гдѣ долженъ былъ состояться спектакль. Клубный буфетъ былъ запертъ, всѣмъ намъ страшно хотѣлось ѣсть, но нельзя было достать даже чаю. Хорошо, что предусмотрительная О. Н. Ш—ва привезла съ собой бутерброды.

Передъ началомъ спектакля я пошелъ въ кассу, чтобы справиться, какъ идетъ продажа билетовъ.

У кассы стоялъ господинъ въ рince-пез. Я внимательно посмотрѣлъ на него: лицо положительно знакомое. Черезъ нѣсколько минутъ я убѣдился въ томъ, что передо мною мой милый учитель русскаго языка, А. П. Чеховъ. Та-же добрая улыбка, тѣ-же добрые глаза... Только лицо обросло небольшой бородкой и носило слѣды утомленія.

Я назвалъ себя, и мы горячо обнялись.

Оказалось, что Антонъ Павловичъ стоитъ попечителемъ той земской школы, въ пользу которой мы играли.

Пошли обычные разспросы.

— Какъ поживаете? — спросилъ я.

— Скриплю помаленьку. Чувствую себя плоховато, хотя веду наиприличивѣйшій образъ жизни. Я живу около Лопасни, въ собственномъ имѣніи. Итакъ, передъ вами уже не бѣдняга-студентъ Антоша Чехонте, а помѣщикъ или, вѣрнѣе, нѣчто вродѣ стариннаго однодворца. Знаете что: дайте мнѣ слово, что пріѣдете ко мнѣ въ Мелихово?

Послѣ спектакля отправились на вокзалъ, гдѣ Антонъ Павловичъ угостилъ всѣхъ насъ прекраснымъ ужиномъ, и этотъ ужинъ вознаградилъ насъ за всѣ дневныя лишенія.

Я совсѣмъ собрался ѣхать въ Мелихово, какъ вдругъ въ февралѣ получаю отъ Чехова письмо.

«Я немножко захворалъ», — писалъ Антонъ Павловичъ, — «заарестованъ докторомъ и лежу теперь въ клиникѣ профессора Остроумова. У меня кровохарканіе. Хуже всего то, что меня отсюда не выпустятъ раньше Пасхи, а мнѣ хотѣлось уговорить васъ дать еще одинъ спектакль въ Серпуховѣ на Святой недѣлѣ и хотѣлось самому взять на себя обязанности бутафора и декоратора. Пишу лежа. На-вѣстите меня».

На другой-же день я поѣхалъ въ клинику.

— Могу-ли я видѣть Антона Павловича Чехова? — спросилъ я сестру милосердія и сказалъ свою фамилію.

— Антонъ Павловичъ васъ ожидаетъ, но докторъ просилъ предупредить, чтобы вы болѣе 10 минутъ не сидѣли въ палатѣ и не заставляли Чехова долго говорить. Передъ вами пріѣзжалъ графъ Л. Н. Толстой, пробылъ у Антона Павловича полчаса и послѣ этого свиданія Чеховъ очень ослабѣлъ.

Когда я увидѣлъ Антона Павловича, одѣтаго въ сѣрый больничный халатъ, я былъ пораженъ его видомъ: онъ страшно похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

— Что это вы вздумали болѣть?

— И не говорите, — махнулъ онъ ру-

кой. — Кровохарканье совсем замучило. Здѣсь мнѣ душно. Скорѣе-бы въ Мелихово!..

Я попросилъ Чехова оказать поддержку одному моему пріятелю, который начиналъ писать, и Антонъ Павловичъ обѣщалъ дать ему рекомендательное письмо къ А. С. Суворину.

Быстро прошли узаконенныя 10 минутъ, о чемъ напомнила сестра милосердія.

— Пришлите-ка мнѣ рассказъ вашего пріятеля, — сказалъ на прощанье Чеховъ. — Я его здѣсь прочту.

Черезъ нѣсколько дней Антонъ Павловичъ вернулъ мнѣ рассказъ вмѣстѣ съ письмомъ къ Суворину и просилъ передать А. С. (иниціалы моего пріятеля) слѣдующій совѣтъ:

«Не мѣшало-бы А. С. пока написать другой рассказъ. Если онъ хочетъ заниматься литературой не какъ дилетантъ, а по-настоящему, то, пока молодъ, пусть пишетъ непрерывно, не дожидаясь отвѣтовъ отъ редакцій и независимо отъ этихъ отвѣтовъ. Одинъ хорошенькій рассказъ, написанный на пространствѣ цѣлаго года, не дѣлаетъ изъ него литератора, какъ одинъ гвоздь, вбитый имъ въ стѣну, не дѣлаетъ еще изъ него плотника. Пусть А. С. не смущается, если на первыхъ порахъ потерпитъ неудачу: это такъ-же обыкновенно и естественно, какъ если-бы онъ свалился, сѣвши на велосипедъ первый разъ въ жизни».

Послѣ выхода изъ клиники Чеховъ находился въ грустномъ, подавленномъ состояніи: очевидно, его беспокоила болѣзнь.

Но къ осени его настроеніе стало другимъ, что видно изъ письма:

«Вы можете оказать мнѣ услугу, или протекцію, и мы будемъ квиты до самаго Страшнаго суда. Буде найдете это удобнымъ, возьмите на себя трудъ хлопотать насчетъ И. П., который состоитъ на службѣ учителемъ уже почти 20 лѣтъ и давно хочетъ примазаться къ какому-нибудь казенному училищу ради чиновничьихъ привилегій — и никакъ не можетъ. Какъ-бы ему въ концѣ-концовъ получить коллежскаго регистратора? Увы, онъ такъ-же, какъ и я, не имѣетъ никакого чина. И. П. не кончилъ ни въ университетѣ, ни

въ гимназіи, такъ какъ свою педагогическую карьеру началъ чуть-ли не съ 18 лѣтъ. Но зато онъ считается заслуженнымъ и образцовымъ педагогомъ. Онъ получилъ много наградъ, и грудь его подобна иконостасу; у него медалей, какъ у фельдфебеля, и если-бы служба была государственной, то давно-бы ужъ его произвели по крайней мѣрѣ въ статскіе совѣтники. Здоровье мое недурно, погода рѣдко бываетъ плохой, работать я, повидимому, уже началъ, такъ что живется пока ничего себѣ. Кѣмъ вы состоите въ министерствѣ земледѣлія? И я тоже не чуждъ вашему министерству: я состою корреспондентомъ отдѣла сельскохозяйственной статистики, состою уже давно, такъ давно, что, кажется, уже имѣю право на ношеніе установленнаго знака (пустой коробки изъ-подъ сардинъ), но правомъ этимъ изъ вольнодумства не пользуюсь».

На слѣдующій годъ Антонъ Павловичъ опять пріѣхалъ въ Москву, которую онъ очень любилъ. Онъ остановился у своей сестры, Маріи Павловны, въ Дегтярномъ переулкѣ, гдѣ я его навѣстилъ.

Антонъ Павловичъ провелъ меня въ свой кабинетъ, очень просто меблированный. На двери и на стѣнѣ висѣли плакаты «Просятъ не курить». На столѣ лежало много рукописей.

— А вы какъ-будто помолодѣли, — замѣтилъ я.

— Это вѣрно. Угадайте, въ чемъ секретъ моей молодости? Я вставилъ зубы.

И, дѣйствительно, вставные зубы помолодили Чехова.

— Ну-съ, — весело произнесъ онъ, — наступаетъ конецъ моимъ лишеніямъ. Кажется, продажа моихъ сочиненій Марксу состоится на-дняхъ.

— На какихъ-же условіяхъ вы сошлись?

— Въ томъ-то и дѣло, что въ условіяхъ мы пока не сходимся. Марксъ предлагаетъ за все то, что я написалъ и напишу, 75 тысячъ. А я хочу, чтобы онъ купилъ то, что уже мною написано, за 75 тысячъ и заключилъ-бы со мной слѣдующій договоръ: все, что я напишу еще, я имѣю право печатать, гдѣ мнѣ угодно, а

затѣмъ Марксъ обязанъ включить новое произведеніе въ собраніе моихъ сочиненій и платить мнѣ въ первое пятилѣтіе по 250 руб. за печатный листъ, во второе пятилѣтіе 500 руб., въ третье — 750 руб. и въ четвертое — 1,000 руб. Марксъ пришелъ отъ этихъ условій въ ужасъ и сказалъ, что я его разоряю, что для того, чтобы заплатить мнѣ и 75 тысячъ, онъ долженъ занять, такъ какъ у него свободныхъ денегъ нѣтъ. Но я готовъ дать ему расписку, написанную собственною кровью, что не проживу и трехъ лѣтъ. Да и вы знаете, я пишу теперь очень мало. Должно-быть, исписался. Впрочемъ, и написалъ я немало. Страшно усталъ, хочется отдохнуть, какъ слѣдуетъ.

— Развѣ вамъ мало приносятъ ваши сочиненія, изданныя Суворинимъ?

— Суворину некогда заниматься своимъ книжнымъ магазиномъ, а потому тамъ такая путаница, что самъ чортъ ногу сломаешь!.. Дѣло у него, съ перваго взгляда, поставлено широко, а въ результатѣ книжный магазинъ едва-ли дастъ 7%!.. И потомъ я хочу сразу получить капиталъ въ руки.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ я, — что вы дѣлаете большую ошибку. — Вамъ нужно самому издать собраніе вашихъ сочиненій и, конечно, вы получите не 75 тысячъ, а несравненно больше.

— Не говорите, не говорите! Изданіе сочиненій — это страшная возня. Гдѣ мнѣ, больному человѣку, брать на себя такую обузу. И 75 тысячъ — большія деньги. Повторяю вамъ, мнѣ осталось жить очень недолго.

— Полноте, Антонъ Павловичъ!

— Другъ мой, вы забываете, что я, хоть и плохой, но все-же докторъ. Меня никакія медицинскія свѣтила не надуютъ: дѣло мое плохо, и капутъ не за горами!.. Бросимъ говорить объ этомъ!.. Скорѣе-бы покончить съ Марксомъ!.. Зажилъ-бы покойно, отдохнулъ-бы.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ я, — вашъ первый рассказъ былъ напечатанъ въ *Будильникѣ*?

— Нѣтъ, первый рассказъ вышелъ въ *Стрекозѣ*.

Въ 1900 году Антонъ Павловичъ пріѣзжалъ въ Москву ненадолго и, кажется, въ этотъ пріѣздъ онъ и женился. Я былъ у него въ «Дрезденѣ»; онъ занималъ очень скромный №.

— А я опять нездоровъ, — сказалъ онъ. — Кровохарканье прошло, теперь мучить геморрой. Проклятая болѣзнь!.. Чудное средство отъ приступовъ геморроя — это Д. Молодецъ, Власъ!.. Удивительно разнообразное остроуміе!.. Вчера я до слезъ хохоталъ, читая его послѣдній фельетонъ.

Онъ, вообще, очень любилъ Д. и считалъ его однимъ изъ самыхъ талантливыхъ фельетонистовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда одинъ изъ гостей замѣтилъ, что Д. исписался, Антонъ Павловичъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Д. все тотъ-же, а мы къ нему привыкли. Вотъ, въ чемъ дѣло.

Я заговорилъ и о другомъ фельетонистѣ, который начиналъ входить въ моду.

— Ну, это бездарность, — произнесъ Чеховъ. — Я какъ-то говорю ему, что, несомнѣнно, придетъ время, когда не нужно будетъ паспортовъ, и когда люди не будутъ бояться смертной казни. На это онъ, представьте себѣ мое изумленіе, спросилъ: «Значитъ тогда всякій можетъ рѣзаться на улицѣ кого угодно?»

Антонъ Павловичъ былъ въ духѣ, рассказывалъ много анекдотовъ, строилъ планы насчетъ будущаго.

— Хочу, — говорилъ онъ, — посѣтить всѣ петербургскія и московскія тюрьмы. Меня интересуется тюремный вопросъ. Думаю, что министръ юстиціи разрѣшитъ. Я въ прошломъ году встрѣтилъ Н. В. Муравьева на набережной: онъ шелъ и несъ въ рукѣ моихъ «Мужиковъ». Авось, «Мужики» составятъ мнѣ протекцію.

Язонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).